

Дискуссии и обсуждения

В. И. Козлов

О ПОНЯТИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Важность национального вопроса в современную эпоху, расширившись в исследованиях национальных или, в более широком смысле, этнических отношений в различных странах мира и особенностей развития отдельных народов требуют более глубокой разработки методологической базы таких исследований. Одной из наиболее существенных частей этой работы является уточнение научных понятий, которыми приходится оперировать. Развернувшаяся в 1966 г. на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия вокруг понятия нации представляется плодотворной, но, к сожалению, уже по своему предмету не может полностью решить такую задачу; понятие нации, несомненно, очень важное в методологическом отношении, не охватывает, как известно, все народы или формы этнических общностей¹. Сама попытка ряда участников дискуссии вывести определение понятия нации, абстрагируясь от понятий других общностей людей,— методологически несовершенна. Правильное определение понятий включает, во-первых, установление родового признака, т. е. указание ближайшего высшего понятия, и, во-вторых, установление видовых отличий, т. е. признаков, свойственных только данному понятию и отсутствующих у других понятий, относящихся к тому же роду. «Что значит дать определение? — писал В. И. Ленин.— Это значит прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое»². Все это применительно к понятию нации означает, во-первых, установление понятия этнической общности и, во-вторых, установление отличий нации от таких родственных ей общностей, как, например, народность и племя. Из участников дискуссии ближе всех к такой задаче подошел М. С. Джунусов³, однако, на наш взгляд, не смог ее решить удовлетворительно.

* Публикуя статью В. И. Козлова, редакция предполагает развернуть на страницах журнала дискуссию как о понятии этнической общности, так и о типах этнических общностей, и приглашает принять в ней участие ученых, интересующихся этими проблемами.— *Ред.*

¹ В философской литературе вместо принятого нами термина «этническая общность» употребляется, как правило, термин «историческая общность». См., например: А. М. Архангельский, *Племя, народность, нация, как исторические формы общности людей*, М., 1961; Э. И. Миняков, *Племя, народность, нация, как исторические формы общности людей*, Тирасполь, 1961; В. Алексеев, *Род, племя, народность, нация (исторические формы общности людей)*, М., 1962 и др. Однако «историзм» никак не является специфической чертой только племени, народности и нации. Многие другие формы общности людей, начиная от семьи и кончая государством, возникли на определенных стадиях исторического развития общества, под влиянием различных исторических причин и, следовательно, также могут называться «историческими формами общности людей».

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 14, стр. 133.

³ М. С. Джунусов, *Нация как социально-этническая общность людей*, «Вопросы истории», 1966, № 4.

Установление понятия этнической общности относится к числу важнейших проблем этнографической науки, основным объектом исследования которой она является, и, вместе с тем, представляет значительный интерес для смежных наук: истории, археологии, социологии, языкознания и др. Однако вот уже в течение длительного времени этой проблеме не уделялось специального внимания; проскальзывавшие в публикациях определения «народа», или «этнической общности», приводились, как правило, без каких бы то ни было доказательств и обычно представляли собой несколько усеченный или, напротив, несколько расширенный вариант известного определения нации как исторической общности людей, сложившейся на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Так, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров определяли народ, как исторически сложившуюся группу людей, связанную общностью территории своего формирования, языка и культуры⁴; М. С. Джунусов характеризует этническую общность общностью языка, этнической территории, экономических связей, этнического самосознания, определенных черт культуры и характера⁵, не рассмотрев ни одного из названных элементов.

По существу единственная за много лет попытка вывести понятие этнической общности была сделана С. А. Токаревым в первых параграфах его статьи «Проблема типов этнических общностей»⁶. Рассуждения С. А. Токарева, как нам представляется, не свободны от методических погрешностей. Так, уже в самом начале статьи С. А. Токарев заменяет вопрос о сущности и специфике этнической общности как таковой второстепенным в данном отношении вопросом о том, чем отличаются отдельные народы друг от друга. Включив в число таких отличий «язык, территорию, общее происхождение, экономические связи, политическое объединение, культурные особенности, религию и прочее», С. А. Токарев называет их «признаками» и замечает, что ни один из них не является обязательным. Заменяв затем слово «признак» выражением «социальные связи» и противореча ранее сказанному о необязательности признаков, С. А. Токарев составляет определение: «Этническая общность есть такая общность людей, которая основана на *одном* (подчеркнуто мною.—В. К.) или нескольких из следующих видов социальных связей: общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если последняя сохраняется)». Правда, С. А. Токарев называет это определение «чисто формальным» и «весьма предварительным», а через несколько страниц пишет, что не может пока ответить на вопрос «чем же все-таки этническая общность отличается от других форм общности людей». Однако эти оговорки не меняют существа дела; в самом конце статьи С. А. Токарев повторяет в несколько сокращенном виде это «чисто формальное» определение уже как окончательный вывод. На некоторых положениях этой статьи нам придется ниже остановиться подробнее, тем более, что они, несмотря на методологическую важность подобного исследования, еще не были подвергнуты критическому анализу.

Разработка проблемы определения понятия этнической общности, тесно связанной с проблемой установления основных видов этой общности, возникавших исторически и существующих в настоящее время, является

⁴ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Общие сведения (языки, расы, народы), в кн. «Очерки общей этнографии, Австралия и Океания, Америка, Африка», М., 1957, стр. 10.

⁵ М. С. Джунусов, Указ. раб., стр. 22.

⁶ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), «Вопросы философии», 1964, № 11.

весьма трудным делом. Этнические общности, особенно в развитых классовых формациях, представляют собой очень сложные образования, с массой индивидуальных особенностей, которые встают почти непреодолимой стеной на пути к обобщению даже видовых понятий, таких, например, как «нация». Если же пытаться типологически соединить современные нации с доисторическими племенами, то эти обобщения еще более затрудняются. Кроме того, люди образуют множество не только этнических, но и других общностей, которые существуют в тесном переплетении друг с другом. Одна и та же группа людей может одновременно входить в производственную организацию, класс, политическую партию, религиозную организацию, расовую группу, народ и государство. Эта группа людей определенным образом связана с каждой из таких общностей и при одних условиях она будет действовать как неразрывная часть одной общности, при других условиях — как неразрывная часть другой общности. Выделить из этого сплетения этнические связи, признаки, присущие только этнической общности, не так-то легко.

Среди обстоятельств, осложняющих эту работу, немаловажное значение имеют терминологические трудности. Это касается не только частных; «видовых» понятий, таких, например, как «племя» или «нация», но и их общего, «родового» понятия. Отдавая в настоящей статье некоторое предпочтение понятию «этническая общность», а не тождественному ему по существу понятию «народ», мы учитывали, что оно менее уязвимо в терминологическом отношении⁷. Правда, некоторые ученые допускают возможность употребления термина «этническая общность» в более широком смысле. Так, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, которые одними из первых ввели в советскую этнографическую литературу термин «этническая общность», считали, что это понятие шире понятия «народ», ибо им можно назвать и «группу народов, близких по языку и культуре», например, все славянские народы, и «часть народа, имеющую известное языковое и культурное своеобразие», например областные группы русских (поморы беломорского побережья, казаки Дона и др.)⁸. Однако на

⁷ Понятие «народ» в русском языке (да и во многих других языках, например, немецкое «Volk» и французское «peuple») имеет несколько значений. Иногда термин «народ» теряет этнический смысл и означает «трудящиеся массы» или просто группу людей. Не вполне установилось терминологическое соотношение понятия «народ» с видовыми понятиями этнической общности, например с понятием «нация». В нашей печати чаще всего можно встретить употребление слова «народ» равнозначно слову «нация» («русский народ», «итальянский народ» и т. п.). Однако мы говорим и пишем «советский народ», «индийский народ» и пр., охватывая термином «народ» целый ряд различных этнических общностей. А не так давно в нашей печати появилось (см. Д. Е. Джексон, К теоретической оценке негритянского вопроса в США, «Проблемы мира и социализма», 1959, № 7) и уже получило некоторое распространение в этнографической литературе выражение «народ в составе нации», где «народ» недостаточно обоснованно полагается частью нации.

К понятию «народа» в его этническом значении в русском языке близко понятие «национальности»; «Совет национальностей», например, означает то же самое, что «Совет народов». Все же по сравнению с термином «народ» термин «национальность» имеет более узкие рамки и почти никогда не применяется для обозначения племени. В настоящее время в нашей литературе термин «национальность» употребляется чаще всего для обозначения этнической (национальной) принадлежности. В зарубежной литературе (англ. — «nationality», франц. — «nationalité» и др.) он употребляется обычно в политическом смысле для обозначения принадлежности к определенному государству, т. е. подданства; для выражения же понятия, близкого к нашему, в зарубежной научной литературе иногда применяют термин «этническая национальность» («ethnic nationality»).

⁸ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 11. Этот тезис с несущественными изменениями был повторен Н. Н. Чебоксаровым в докладе на VII МКАЭН. См.: Н. Н. Чебоксаров, Проблема происхождения древних и современных народов (вступительное слово на симпозиуме), VII МКАЭН, М., 1964.

практике такое употребление термина «этническая общность» почти не встречается, так как оно может привести к весьма нежелательному смешению понятий; для обозначения группы родственных по языку народов принято употреблять термин «этнолингвистическая группа», для обозначения частей одного народа термины «этнографическая группа», «религиозная группа», «диалектальная группа» и др.

Серьезно затрудняет такую работу и слабое развитие нашей социологии, в частности — отсутствие разработанной классификации различных социальных форм, которая могла бы помочь нам определить место этнической общности среди других социальных категорий и ее связь с ними. Применяемый нашими социологами термин «социальная группа», могущий, казалось бы, быть распространенным и на этнические общности, связывается ими, как правило, лишь с классовым делением общества⁹. Совсем недавно Ю. И. Семенов предложил важную в методологическом отношении категорию «социальный организм», но, к сожалению, ограничился столь общим определением этого понятия (как «отдельного, единичного общества, как самостоятельной единицы общественного развития») ¹⁰, что применить его в классификационных целях довольно трудно. Поэтому для того, чтобы определить понятие этнической общности, нам придется, по необходимости кратко, рассмотреть некоторые общесоциологические вопросы.

Начнем с того, что термин «социальный» следует, по нашему мнению, прилагать к тем многообразным сочетаниям и группировкам людей, которые основаны на реально существующих связях, причем входящие в них индивидуумы осознают эту социальную принадлежность, на основании каких-то признаков отличают данную группировку от других того же рода и в определенных обстоятельствах способны действовать как единое социальное целое. Эта оговорка ограждает нас от рассмотрения всех тех встречающихся в научной литературе группировок людей (например, в антропологии — долихокефалы и брахицефалы, в психологии — холерики и сангвиники и т. п.), которые выделяются в тех или иных целях исследователями. Что же касается самих социальных образований, то их целесообразно разделить прежде всего по их происхождению на два отдела: одни из них сложились в ходе исторического развития человечества, вне воли и сознания отдельных индивидуумов, другие были созданы в определенное время по желанию вошедших в них людей. Нет нужды доказывать, что этническая общность относится к первому отделу, а, например, профессиональный союз — ко второму.

Для следующей ступени классификации уместно использовать предложенную Ю. И. Семеновым категорию «социальный организм», с некоторым ее уточнением; по нашему мнению, этот термин следует прилагать лишь к тем социальным образованиям, которые могут существовать и развиваться независимо от других. Это условие связано прежде всего с определенными размерами социальных образований и реально определяется тремя основными процессами. Первый из них — производство ма-

⁹ Так, Г. В. Осипов, говоря о принципах марксистской социологии, отмечает: «Социальная группа — группа людей, объединенная общностью определенных целей и интересов и общими усилиями в их достижении, это — элемент социальной структуры определенной социально-экономической формации. Переменными (в зависимости от которых индивидуумы относятся к той или иной группе) являются прежде всего функции индивидов в исторически определенной системе общественного производства, их отношение к средствам производства, роль в общественной организации труда и, следовательно, способ получения и размеры той доли общественного богатства, который они располагают» (Г. В. О с и п о в, Современная буржуазная социология, М., 1964, стр. 215).

¹⁰ Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 94.

териальных благ, необходимых для существования входящих в этот социальный организм людей, второй — воспроизводство данного организма в биологическом смысле, путем рождения нового поколения, третий — воспроизводство его в социальном смысле, путем передачи этому поколению определенных социально-культурных ценностей и традиций.

Понятие независимого развития помогает, в частности, более четко выделить начальный вид этнической общности — «племя» от других социальных образований той эпохи. В нашей научной литературе не так давно встречались, а в научно-популярной философской литературе встречаются до сих пор утверждения, что вначале будто бы существовали лишь роды (и даже особые «родовые языки») и лишь спустя какое-то длительное время, с развитием производительных сил, роды сменялись племенами¹¹. Эти утверждения недостаточно обоснованы. Род, как таковой, с самого начала своего возникновения может существовать лишь в органической связи с другими родами, ибо наиболее важной особенностью его является экзогамия — запрещение брачных отношений внутри рода. Установившиеся брачные связи между родами, по-видимому, происходившими обычно от одной орды и говорившими на одном языке, неизбежно сочетались с некоторыми хозяйственными и другими видами связей. «Поэтому, — пишет Ф. Энгельс, — встречая у какого-нибудь народа род, как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и племенную организацию»¹². Вопрос о функциях рода выходит за рамки настоящей статьи, но нам представляется, что род, основанный на кровнородственных связях и являющийся частью племени, частью социального организма, должен быть отнесен не к этническим, а скорее всего — к брачно-семейным социальным группам. Широко распространенное мнение, что племя тоже основано на кровнородственных связях, нельзя признать вполне правильным, ибо эти связи определяют в основном лишь структуру племени, а не взаимоотношения между родами.

Некоторые этнографы, в том числе Н. Н. Чебоксаров, считают, что наиболее типичной формой этнической общности первобытнообщинной эпохи было не племя, а группа родственных племен¹³. Действительно группы племен, говорящих на близких языках или даже на диалектах одного языка, встречались довольно часто, однако сосуществование таких племен, ассоциация отдельных социальных организмов далеко не всегда приводили к их действительной общности. Жизнь отдельного человека или целого рода в эпоху племенного быта была неразрывно связана именно с существованием племени и не зависела непосредственно от наличия или отсутствия группы племен. Проблема этнического соотношения племени и союза племен заслуживает специального рассмотрения. Можно считать установленным, что объединение родственных племен в группы и появление у их членов представления о принадлежности к этой группе, как к чему-то социально целому, более или менее характерно лишь для последней фазы первобытнообщинной эпохи, для периода уже начавшегося ее разложения. Что же касается союзов племен, таких, например, как Лига ирокезов, то их возникновение зачастую было обусловлено не органическими потребностями социально-экономического развития отдельных племен, а внешними причинами, чаще всего — учинившимися военными столкновениями с другими племенами.

¹¹ См., например, А. М. Архангельский, Указ. раб., стр. 6.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 97.

¹³ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 6—7.

К категории социальных организмов, кроме этнической общности, можно отнести ряд других образований, в частности — государство¹⁴. Поэтому для уточнения специфики этнической общности необходимо рассмотреть ее основные характерные черты и признаки.

Набор признаков, которыми обычно пользуются исследователи, пытаясь определить понятие этнической общности, не так уж мал. Сюда, как уже говорилось выше, входят четыре «обязательных» элемента известного определения нации: общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, а также ряд других существенных элементов — этническое самосознание, общее происхождение, религия и др. Некоторые из этих элементов, как будет показано ниже, не могут считаться основными признаками этнической общности то ли потому, что они дают слишком большое число исключений, то ли потому, что они вообще свойственны главным образом какой-то другой общности. Анализируя все эти элементы, приходится учитывать, что условие возникновения того или иного социального явления не обязательно становится основным признаком этого явления. Кроме того, некоторые из названных элементов, в том числе язык и территория, могут лежать в основе определенного вида социальных связей; в подобных случаях методологически важно рассмотреть соотношение этнической общности с соответствующими типами общностей: языковой, территориальной, экономической и др. Каждая из этих общностей развивается по своим законам, поэтому соотношение их с этнической общностью в ходе исторического процесса может меняться.

Язык — важнейшее средство общения людей — является условием возникновения многих социальных организмов, в том числе и этнической общности, для которой он имеет особое значение. Общность языка, как таковая, не присуща ни государственной, ни, например, религиозной общности. Правда, даже в многонациональных государствах обычно имеется какой-то общий язык, но этот язык обеспечивает общение людей главным образом в экономической и политической областях, не затрагивая духовную жизнь людей. Для людей же, принадлежащих к этнической общности, родной язык не только средство общения, но и средство развития важнейших форм их духовной культуры. Только родной язык, воспринимаемый и развиваемый с раннего детства, способен выразить тончайшие оттенки духовной жизни людей, позволяет им понимать друг друга буквально с полуслова. Люди, сменившие свой язык, с течением времени, обычно во втором или третьем поколении, меняют и свою этническую принадлежность.

Говоря о неполном совпадении этнической общности с языковой общностью, обычно приводят случаи, когда несколько народов говорят на одном языке. Например, на испанском языке говорят не только испанцы, но и латиноамериканские народы, ведущие свое происхождение от смешения испанских переселенцев с индейцами и другими этническими компонентами. Однако эти случаи не нарушают действительности признака общности языка, так как под ней понимается общность языка внутри народа, а не вне его, и для этнического единства испанцев не имеет значения то обстоятельство, что на испанском языке говорят еще чилийцы или никарагуанцы. Более существенны случаи, когда части одного народа говорят на очень сильно расходящихся диалектах. Это относится, напри-

¹⁴ Под «государством», как правильно отметил Ю. И. Семенов (см. Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 92—93), можно понимать не только «политическую организацию экономически господствующего класса», но и находящихся в сфере действия этой организации людей, которые в совокупности образуют отдельную общность, социальный организм.

мер, к немцам, а особенно к китайцам, северные, восточные и южные группы которых не понимают друг друга. Иногда части одного народа могут говорить на разных языках. К числу таких исключительных случаев относятся, например, ирландцы, часть которых говорит на английском, а часть — на кельтском языке. Но и эти случаи не опровергают важности признака общности языка, как считает С. А. Токарев, а лишь требуют более осторожной его формулировки. Многие современные нации (особенно в Америке) сформировались из разноязычных групп населения, поэтому общность языка, в отличие от общности территории, следует рассматривать не только как условие, базу формирования народа, но и как один из результатов этого процесса, в ходе которого языковые или диалектальные различия постепенно нивелируются под действием системы образования и принятых норм разговорного языка. В случае если этот процесс еще не развернулся в полную силу, этническую консолидацию не следует считать вполне завершённой. Выражением языковой общности в таких случаях является существование единого письменного литературного языка и многочисленных групп населения с переходными говорами. Что же касается ирландцев, то они сложились в народ, имея общность кельтского (гэльского) языка: последующий переход подавляющего большинства их на английский язык, конечно, нарушил языково-культурную общность ирландцев, но по ряду причин не уничтожил и этнического единства. В настоящее время языковая общность ирландцев восстанавливается путем распространения английского языка среди многочисленных групп еще не знающих его ирландцев, а также благодаря возрождению гэльского языка и распространению его среди англоязычных ирландцев.

Территория представляет собой, прежде всего, условие, материальную базу формирования этнической и многих других видов общности людей, ибо для того, чтобы люди могли общаться, они, как правило, должны жить рядом друг с другом. Собственно территориальные (т. е. соседские) связи имеют, правда, довольно узкие рамки и обычно не выходят за пределы одного селения (так называемая сельская или соседская община или небольшого района). Однако территория является основой для развития других связей (экономических, языковых и др.). Даже различные по языку и происхождению группы людей, живущие на одной территории, могут с течением времени слиться в единый народ (таково, например, происхождение многих наций американского континента) и, напротив, территориальное разобщение прежде единого народа может привести к образованию из его частей различных этнических общностей. Находясь в течение многих веков на одной и той же территории, «обживая» эту территорию, народ начинает считать ее «родной», связывает с ней свои исторические судьбы и т. д. Природные условия этой территории находят свое отражение в складывающихся элементах культуры и быта, а представление о «родной земле» играет видную роль в формировании этнического самосознания. Кроме того, территория является не только условием возникновения, но и важным условием существования этнической общности. Нарушение целостности этнической территории, территориальное разобщение членов этнической общности, превращение отдельных групп из в национальные меньшинства, находящиеся среди другого народа, рано или поздно кончается ассимиляцией таких групп. Это говорит о целесообразности включения территории в число признаков этнической общности.

Вместе с тем, следует отметить, что территория не несет в себе такого этнического содержания как, например, язык и культура. Связь с территорией, страной обитания характерна в первую очередь для понятия

«родины» и «отечества» (за которыми также стоят определенные общности людей), а не для понятия народа. Можно было бы привести немало примеров того, как на одной и той же территории в разное время складывались совершенно различные этнические общности или как некоторые народы (мадьяры, калмыки и др.), сформировавшись первоначально на одной территории, затем переселились и жили в совершенно другой области. Сама этническая территория может значительно изменяться; в одних случаях (русские, якуты и др.) она сильно расширялась за счет освоения новых областей, в других (мордва, башкиры и др.) сокращалась из-за вселения на нее инонациональных групп.

Развитие человечества сопровождалось территориальным смешением народов, связанным с миграциями из деревни в город, из одного района страны — в другой, и из страны — в страну. Во многих районах мира народы живут чересполосно друг с другом; этническая территория представляет собой нечто цельное и четко обособленное лишь у тех наций, этнические границы которых совпадают с границами государств.

Когда пытаются уточнить связи между членами этнической общности, то особое внимание обычно уделяют *хозяйственным* или *экономическим* связям. Однако это внимание оправдано лишь частично, так как экономика, будучи в конечном счете необходимым условием существования всех видов общности людей, не характеризует специфику этнической общности. Экономические связи определяют в полной мере лишь экономическую общность людей, т. е. общность, обусловленную разделением труда в процессе производства необходимых средств существования. Этническая и экономическая общность довольно часто совпадают, но связь между ними, как правило, имеет опосредствованный характер, проявляясь прежде всего через общность территории и связанную с ней социально-политическую организацию. Общность территории — необходимое условие возникновения экономической общности, если первая оказывается нарушенной из-за территориального смешения народов, то нарушается и вторая. Не останавливаясь на вопросе о крайне проблематичной экономической общности народностей, отметим, что классическая экономическая общность, складывающаяся с развитием капитализма, свойственна не столько нации, сколько государству, так как основные определяющие ее факторы (разделение труда между отдельными районами и установление транспортных и иных связей между ними, единая денежная система, таможенные ограничения и пр.) непосредственно связаны с государственной общностью. Экономическая общность совпадает с национальной, если нация имеет свое государство, и, как правило, не совпадает или совпадает частично в многонациональных государствах, где несколько наций связаны в один хозяйственный организм¹⁵. Все это говорит о нецелесообразности включения экономической общности в число основных признаков этнической общности.

Стремление некоторых исследователей включить в число основных этнических признаков общность *психического склада* или общность *культуры* представляется нам малообоснованным¹⁶. Психический склад или характер людей определяются, как известно, факторами биологическими и социальными. Биологические факторы, прежде всего — пол, возраст и темперамент, не имеют органической связи с этнической общностью. Темперамент больше связан с климатическими и расовыми особенностями, чем с этносом. Тот факт, что у конкретного народа может преобладать тот или иной темперамент, не противоречит, конечно, ука-

¹⁵ По этому вопросу см. также В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, «Вопросы истории», 1967, № 1.

¹⁶ См. также С. Т. Калтахчян, К вопросу о понятии «нация», «Вопросы истории», 1966, № 6.

занной общей закономерности. В число социальных факторов, оказывающих определяющее влияние на характер, входит этническая среда, однако ведущую роль играет классово-профессиональное положение людей, не дающее возможности, особенно в классово-антагонистическом обществе, для образования подлинной общности психического склада. Исходя из принципов социальной психологии, очевидно, что русский крестьянин, купец, чиновник, рабочий имели в своем психическом складе больше различий, чем общего. Если даже взять только русских крестьян, то и тогда помор по своему характеру окажется значительно ближе к другому народу — карелу, чем к рязанцу, а тем более — терскому казаку. Когда указывают на различия в психическом складе конкретных народов, например норвежцев и японцев, то имеют в виду определенные психические стереотипы тех и других, абстрагируясь от различий внутри этих народов. Поэтому (не скрывая сложности данного вопроса), несравненно правильнее было бы говорить не о существовании общности психического склада народов, какого-то «национального характера», что свойственно, по-видимому, лишь народам доклассового общества, а о существовании некоторых специфических особенностей психического склада у отдельных народов (особенно у сравнительно небольших этнических общностей) и у групп людей (классово-профессиональных, областных и др.), составляющих эти народы.

Вопрос об общности культуры более сложен в связи с обширностью и некоторой неопределенностью понятия культуры. Если конкретизировать это понятие и обратиться, например, к материальной культуре, то мы окажемся перед многочисленными случаями сильной дифференциации элементов этой культуры внутри одного и того же народа (особенно у крупного, части которого обитают в неодинаковых условиях) и, напротив, сильного сходства их у различных народов. Кроме того, материальная культура, тесно связанная со способом производства, обнаруживает тенденцию к нивелировке существовавших некогда различий: нет, по-видимому, ни одной нации, члены которой имели бы только им присущие «национальные» орудия труда, одевались бы только в особую «национальную» одежду и питались бы только особой «национальной» пищей. Что же касается духовной культуры, то, исключая те ее элементы, которые непосредственно связаны с общностью языка, общность ее наблюдается далеко не у всех народов. У капиталистов и пролетариата разная духовная культура. В. И. Ленин неоднократно указывал на наличие двух культур в каждой культуре нации капиталистической эпохи и подчеркивал, что любая попытка доказать общность ее культуры неизбежно ведет к национализму. Таким образом, определяя этническую общность, следует делать упор не на «общность культуры», свойственную в основном лишь ранним формам этнической общности, а на те специфические элементы ее культуры и культурно-бытовые особенности людей, которые вместе с языком создают неповторимый облик основных этнографических групп этой общности.

Все социальные организмы характеризуются определенным самосознанием входящих в них людей, в противном случае они перестают проявлять себя как единый социальный коллектив, как субъект исторического процесса. Условия материальной жизни людей могут вызвать те или иные общественные явления, только пройдя через сознание людей, отразившись в нем в виде определенных представлений. Для человека, как существа социального, сформировавшегося только в органической связи со становлением человеческого общества, осознание своей принадлежности к более широкому кругу лиц является не только естественным, но и необходимым чувством, дающим ему уверенность в жизни, оправ-

дывающему само его существование на земле. Это полностью относится и к этническим общностям, возникшим раньше многих других общностей, еще на заре человеческой истории, как необходимая форма жизни и форма групповой борьбы за существование. Предпринимавшиеся до сих пор попытки определить понятие этнической общности оказывались на наш взгляд, малоуспешными обычно именно потому, что исследователи старались главным образом составить набор ее признаков, почти не уделяя внимания характеру связей между входящими в нее людьми и отражению этих связей в их сознании.

Этническое самосознание — сознание принадлежности людей к определенному народу, конкретно проявляющееся в употреблении ими единого названия народа, возникает в процессе длительной совместной жизни людей под действием ряда факторов. Сильное влияние на его формирование оказывают социальная среда, представление об общем происхождении и общих исторических судьбах и т. д. Будучи одной из форм общественного сознания, этническое самосознание играет видную роль в самом существовании этнической общности, резко отличаясь в этом отношении от весьма проблематичной общности психического склада, с которым его иногда путают. Достигнув определенной стадии развития, этническое самосознание, подобно другим идеологическим формам, может приобрести известную самостоятельность. Оно, в частности, может сохраняться довольно длительное время даже при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра и при утрате ими своего родного языка. Случаи несовпадения языковой и этнической принадлежности обусловили необходимость применения на практике, для определения национальной принадлежности в переписях населения признака этнического (национального) самосознания, причем признак языка в этих случаях отходит на второе место. Этническое самосознание может оказывать обратное влияние на породившие его факторы, что проявляется, например, в движениях за возрождение родного языка, за политико-территориальное воссоединение и т. д. Не пытаясь решить здесь полностью проблему специфики этнического самосознания, укажем, что от религиозного самосознания оно отличается прежде всего тем, что направлено на народ, а не на какой-то потусторонний объект, от расового — тем, что на первый план выдвигается близость людей не по внешним физическим признакам, а по их языково-культурным и бытовым особенностям.

Этническая общность для устойчивости своего существования и нормального развития стремится, как правило, оформиться и в виде *социальной организации*. Племя, как этническая общность, представляет собой обычно и форму социальной организации. Когда же с возникновением классового общества на смену родо-племенной организации приходит государство, этническая общность обнаруживает тенденцию к государственному оформлению, и недаром почти все национальные движения направлены на создание национальных государств или определенных форм автономии в пределах многонациональных государств. Отличие этнической общности от государственной наиболее четко проступает в государствах многонациональных, где этническое самосознание связано с языковыми и культурно-бытовыми особенностями людей, а у угнетенных национальных меньшинств — и с борьбой за национальное равноправие. В национальных же государствах этническое (национальное) самосознание часто сливается с сознанием принадлежности к государству, с чувством патриотизма и т. п.

Для того, чтобы завершить краткий анализ элементов этнической общности, вернемся к предложенному С. А. Токаревым определению

этой общности. Особо уязвимой представляется та часть определения, где говорится, что этническая общность может быть основана на одном из перечисленных С. А. Токаревым видов социальных связей: «общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если последняя сохраняется)». С этим положением нельзя согласиться, даже откинув такую странную «социальную связь», как «культурный уклад», ибо если этническая общность может быть основана только на языковых связях, то ее невозможно отличить от языковой общности, а если только на государственной принадлежности, то непонятно, чем же она отличается от государственной общности. Однако неосторожнее всего прилагать данное условие к таким «социальным связям», как общность происхождения (проявляющаяся, по С. А. Токареву, яснее всего в «одинаковости антропологического типа») и религия. В качестве примера народа, основанного якобы на общности происхождения, С. А. Токарев приводит негров США, упуская из вида, что предки негритянского населения США были вывезены из различных областей Африки, принадлежали к разным народам и, следовательно, не имели общего этнического происхождения, хотя, конечно, имели сходные расовые черты и определенную, связанную с их новым положением, общность судеб. Само это население в большинстве является мулатским, с различными степенями расового смешения, т. е. не имеет одинаковости антропологического типа и, кроме того, вообще представляет собой не отдельный народ, а особую группу в составе американской нации¹⁷. Неточность формулировок С. А. Токарева тем досаднее, что вопрос о соотношении расы и этноса, расовой и этнической общности действительно сложен¹⁸. В советской науке утвердилось мнение, что между расой и языком нет органической связи, что процесс расообразования и процесс этнообразования в общем не совпадали¹⁹, однако тот факт, что большинство народов мира имеет сравнительно однородный расовый состав (в отношении больших, а в ряде случаев и в отношении малых рас) не представляется случайным. Расовые различия, ясно говорящие о неодинаковом происхождении и исторических судьбах их носителей, несомненно тормозят выработку общего этнического самосознания: для того, чтобы европеиды, монголоиды и негроиды могли образовывать в Латинской Америке единые народы (кубинский, бразильский и др.), потребовался длительный процесс их биологического смешения с образованием многочисленных переходных расовых типов.

Что же касается религии, то, конечно, религиозная принадлежность, религиозная общность может в некоторых случаях совпадать с этнической, религиозное самосознание, как показывает история средневековой Европы и истории стран Ближнего Востока, иногда оттесняет этническое, но никакая религия сама по себе не может ни установить, ни сохранить этническую общность, а может лишь способствовать этому. Приведенный С. А. Токаревым в качестве примера, демонстрирующего силу религиозных связей, случай евреев, «расселившихся по всему свету и не утративших своей этнической целостности», мало убедителен. Нет сомнения, что иудаизм, как наиболее ярко выраженная «национальная» религия, играл, а во многих странах играет до сих пор, весьма видную роль в жизни евреев, отражаясь в их самосознании и некоторых особен-

¹⁷ См. по этому вопросу М. Я. Берзина, Народы Америки. Численность и расселение народов мира, М., 1962, стр. 289.

¹⁸ Расовая общность, как таковая, имеет не только биологический, но и определенный социальный аспект. См. по этому вопросу: А. В. Ефимов, Социальный аспект биологической категории «раса», сб. «Против расизма», М., 1966.

¹⁹ См. Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 330.

постях культуры и быта. Однако древнееврейский народ сложился в основном за несколько столетий до оформления иудаистской религии, а этническое обособление евреев, расселявшихся вначале в странах Европы, объясняется не только религиозными, но и социально-экономическими причинами. Иудаизм не смог удержать этнического единства евреев. Еще в средние века они разделились на две основные группы: сефардскую с языком ладино и ашкеназскую с языком идиш. В последующий период этническая разобщенность групп евреев, живущих в различных странах мира, еще больше усилилась, причем у некоторых из них (в первую очередь у еврейского населения СССР) иудаизм уже утратил значение этнического определителя. Евреи уже давно перестали быть единым народом, у многих групп их не осталось ничего общего кроме одинакового самоназвания, да некоторых, нередко весьма смутных, представлений об общем происхождении и исторических судьбах. Мало убедительны в этом отношении и другие примеры С. А. Токарева²⁰.

В заключение сформулируем определение этнической общности.

Этническая общность — социальный организм, сложившийся на определенной территории из групп людей при условии уже имевшейся или достигнутой ими по мере развития хозяйственных и социально-культурных связей общности языка, общих черт культуры и быта, ряда общих социальных ценностей и традиций, а также значительного смещения резко отличавшихся расовых компонентов. Основными признаками этнической общности являются: этническое самосознание и самоназвание, язык, территория, особенности психического склада, культуры и быта, определенная форма социально-территориальной организации или стремление к созданию такой организации. Эта краткая формулировка не отражает, конечно, всего многообразия действительности и для своего конкретного применения требует, как следует из изложенных примеров, тех или иных дополнений. Совершенно ясно, например, что из-за сильного территориального смещения народов и процессов языковой ассимиляции признак общности языка и территории в полной мере может быть приложим обычно лишь к основному этническому ядру того или иного народа.

Полное раскрытие содержания основных элементов этнической общности может быть дано лишь в нескольких специальных статьях.

SUMMARY

The further studies in the theoretical basis of the national problem and many other important problems of ethnology demand a more precise definition of the concept of an ethnic community («a people»). Under an ethnic community the author understands a social organism formed within a definite area from groups speaking a single language, having certain common traits of culture and everyday customs, certain common social values and traditions, usually a homogeneous racial composition or gradual shading off between racial components; such groups are usually linked by economic, social, cultural and other ties with each other to maintain the existence and development of the social organism. Ethnic communities are characterized by a common ethnic consciousness, name, language, psychological traits, culture and mode of everyday life, a definite social—territorial organization or, if this is absent, an aspiration for such an organization.

²⁰ Не рассматривая подробно эти довольно сложные случаи, отметим, что упомянутые С. А. Токаревым марониты в советской этнографической литературе считаются не особой этнической общностью, а частью (религиозной группой) ливанского народа, йезиды — религиозно-сектантской группой курдского народа, а сикхи — частью панджабцев.